

288
289

Фильм сценаристов Носифа Ольшанского, Нины Рудневой и режиссера Юлия Райзмана «А если это любовь?» был снят почти тридцать лет назад. Но так получилось, что именно к этой картине возвращается сегодня общественное внимание: она была первой ласточкой того самого кино, которое мы сегодня именуем «молодежным». Банальные слова — «первая ласточка»... О том, чего это стоило тогда авторам фильма, рассказывает сегодня драматург

1991-90

Ольшанский И.

НЕИЗВЕСТНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

Иосиф ОЛЬШАНСКИЙ

«...ОТЩЕПЕНЦЫ, КОТОРЫХ В НАШЕЙ ЖИЗНИ НЕТ!»

Случилось так, что мы в то время познакомились с замечательным человеком — Леном Карпинским. Он был тогда секретарем ЦК комсомола. Общавшись с ним, мы узнали об одном поразительном человеческом документе — письме-обращении «К любящим всего мира». Его написали и прислали в ЦК ВЛКСМ два подростка — он и она, после чего легли на рельсы и погибли под колесами поезда...

Нам показало, что эта трагическая история может стать основой сценария будущего фильма. Решили съездить в Волоколамск, где это произошло, познакомиться с конкретными обстоятельствами. А потом вдруг подумали: а зачем, собственно, ехать? Не лучше ли представить себе, вообразить, что могло побудить двух молодых людей, жизнь которых только началась, решиться на такой страшный поступок?.. Ясно, что они любил друг друга. Вероятно, кто-то помешал их большой любви, и у них не осталось сил преодолеть препятствия.

И тогда мы придумали драматическую историю любви. В наших общих с Райзманом размышлениях вырисовывался мотив гибели именно героини. Тут казалось всегдешнее пристрастие Юлиа Яковлевича к живописанию женской души — ранимой и хрупкой.

В поисках конкретного житейского материала мы побывали в ряде школ, интересовались, были ли случаи самоубийств школьников. Но школьные руководства хранили дружное молчание: не хотели выносить сор из избы. Тогда мы стали изучать материалы народных судов. И тут внимание наше привлекло одно дело — некий школьник повесился дома. Дело было закрыто за непонятностью мотивировок. Мы познакомились с биографией подростка. Это был неприятный мальчик, из категории тех, на кого ни в школе, ни дома никто не обращает внимания. А ему, судя по всему, очень хотелось как-то выделиться, привлечь внимание к себе, к своим проблемам... Он повесился на кухне, на трубе, за несколько минут до того, как

сестра вернулась из кинотеатра. Мы поняли — он знал, высчитал, когда она вернется, и был убежден, что его, еще живого, вынут из петли... Ему не хотелось погибать, но судьба распорядилась иначе...

Конечно, в нашем сценарии обстоятельства были иными. К тому же мы замыслили неудавшееся самоубийство. Но такая попытка бывает порой трагичнее для человека: страшнее после этого жить. Это соображение было для нас существенно важным для финала.

В своих размышлениях о том, что же

Самое тяжкое воспоминание мое — это первое представление уже готового фильма на большом худсовете «Мосфильма», куда в то время входили передовики производства, ученые, доярки, работники милиции, Герои Соцтруда и т. д., одним словом, люди весьма достойные, но не имеющие никакого отношения ни к кинематографу, ни к искусству вообще.

Тон, впрочем, задавали кинематографисты. И тон этот в отношении к новому фильму был совершенно отрицательный. Одна женщина, член худсовета, представьте, опустилась перед Райзманом на колени, воздела руки и начала говорить что-то в таком роде, что она, мол, воспитана на фильмах Райзмана, и что во имя его таланта она закликает его отказаться от снятого фильма, ибо он — удар по всему тому, что для нее в жизни свято, а также удар по всему тому, что сделал ее любимый режиссер...

Вообще главный мотив, объединявший в тот памятный день все выступления, был такой — всем сообща надо спастись Райзмана, столь уважаемого режиссера, от него же самого — он как бы ослеп и сам не понимает того позора, который навлек на свою голову, того конфуза и антисоветчины, которую хочет обрушить на головы бедных зрителей...

А один маститый режиссер вообще заявил, что новый фильм, если его выпустить, «возьмут на вооружение буржуазные кинематографисты»...

И тут случилось нечто совершенно непредвиденное. Все мы были так измучены многомесячной битвой сначала за сценарий, а потом и за фильм, что у меня сдали нервы. Потеряв контроль над собой, я буквально кинулся на упомянутого маститого и опомнился только тогда, когда испуганный генеральный директор Сурин стал нас разнимать...

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, мне и стыдно, и смешно, но тогда было не до смеха...

Когда я малость пришел в себя и сел на свое место рядом с Райзманом, невозмутимый Юлий Яковлевич сказал мне с тихим удивлением: «А я не подозревал, что у вас такие африканские страсти». Сам он сидел на обсуждении спокойный, с каменным лицом.

Драматично проходило и двухдневное обсуждение фильма в Доме кино. Пускали только по списку, утверждённому сверху, — распространялись слухи, что будут показывать антисоветскую картину, и в Доме кино буквально сломали двери. Но тем не менее проникло много неприглашенных людей. Например, известный учитель литературы Гуревич и

еще одна учительница. Они яростно защищали фильм. Вел обсуждение Юткевич. Он знал о резко отрицательном отношении к фильму во всех инстанциях. Любопытная деталь — когда после просмотра картины он с женой выходил из просмотрового зала, я увидел слезы у нее на глазах. Нам рассказывали, что и Сергею Иосифовичу картина понравилась, но... Коммунист Юткевич, один из руководителей Союза кинематографистов, должен был на обсуждении проводить соответствующую линию. Вот почему его суждения в тот вечер были столь малоубедительны и противоречивы...

Конечно, среди выступавших были и организованные ораторы. Они выходили и читали что-то по бумажке, зал принимал их очень плохо, зал был настроен в пользу картины. Таких ораторов обрывали, сгоняли с трибуны. Одним словом, попытка организованной борьбы с инакомыслием в общем провалилась. Небезызвестный Павлов, например, тогдашний руководитель комсомола, буквально приказал Лёну Карпинскому разнести фильм в пух и прах. А тот пришел и, несмотря на директивные указания, страстно выступил в защиту картины. Надо ли говорить о том, какие служебные неприятности были потом у этого честного человека?..

Поистине страшным был эпизод приемки фильма министром Фурцевой. Происходило это на «Мосфильме». Кроме нас, присутствовал на приеме и Сурин. Меня поразило одно обстоятельство. В небольшом зале погас свет. Пошел фильм, а Фурцева продолжала — и весьма громко — вести разговор с директором студии (как потом выяснилось, она обычно всегда разговаривала на просмотрах). И вдруг Райзман, в котором, как и во мне, накапливалась злость по этому поводу, громко произнес: «А теперь будем смотреть». Он сказал это таким тоном, что Екатерина Алексеевна тотчас же замолкла и обратила свой взгляд на экран...

Но что она говорила потом в связи с фильмом, какие реплики отпускала!

Я невольно вспомнил песенку Галича про «товарищ Парамонову» — как походила наша министерша на нее!.. Она говорила, что этот фильм — клевета на советскую действительность, что она, Фурцева, много лет жила среди рабочего класса и ни разу не довелось ей услышать, чтоб рабочая женщина так ругнулась, как это делает у нас в фильме баба с тазом. Когда в зале зажегся свет и Екатерина Алексеевна вспомнила, что в фильме прозвучало адресованное нашей героине слово «шлюха», Фурцева пришла в ярость, лицо ее покрылось пятнами. (Я подумал сейчас о «Маленькой Вере»... Как, однако, изменилось время!..)

В заключение нашей безрадостной встречи министр сказала так: «Вот я стою часто на трибуне Мавзолея, и передо мной проходят наши замечательные и красивые люди — почему вы не делаете фильмы о них? У вас же отщепенцы, которых в нашей жизни нет, вы их придумали!.. Я этого не принимаю, но давайте посмотрим, что скажут об этой картине люди, народ, устроим обсуждение в некоторых кинотеатрах».

Я на этих обсуждениях побывал и хорошо помню, как они происходили. К примеру, в «Ударнике». Вроде бы необъявленный заранее сеанс. Но после сеанса один высокопоставленный чиновник (неохота называть его фамилию, вероятно, ему сейчас стыдно) перехватывал «случайных» зрителей, и они скучными голосами говорили о фильме ругательные слова по бумажке с напечатанным на машинке текстом...

Одним словом, мы были абсолютно убеждены, что многострадальный фильм наш не выйдет. Но тут вмешались высшие силы. Картину посмотрели журналисты «Известий», сообщили Алексею Аджубею. Тот проявил интерес к фильму, затребовал его. Нам сообщили, что наша работа понравилась и ему, и Хрущеву. Это и решило судьбу фильма.

Вот уже много лет я храню невысказанную благодарность этим глубоко уважаемым мною людям (разумеется, не только из-за спасения нашей работы). Потом нам сообщили, что Аджубей вроде бы намерен написать большую статью о картине. Но он уехал за границу, и рецензию, а потом и брошюру о фильме «А если это любовь?» написала прекрасная женщина, талантливый журналист Любовь Иванова...

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ